Выходитъ що пятницы во Львовѣ. Цѣна на рокъ съ почтою 4 зр. 40 кр. ср. полр. 2 злр. 20 кр. чвертр. 1 злр. 10 кр. на мѣстци 4 злр.

ЗОРЯ ГАЛИЦКА

Предплата отбирае ся въ бюрѣ дирекціи книгопечатной Института Ставропигіаньского.

ПИСЬМО ПОСВЯЩЕНЕ ЛИТЕРАТУРѢ И ЗАБАВѢ.

ЧИСЛО 2. Львовъ, 8. Сѣчня 1856. РОКЪ IX.

ПОТѢХА.

Отъ на свѣтѣ все вселяко —
Було й буде все однако:
Одны торбовъ числятъ гроши,
На новіи ждутъ розкоши;

Други коплятъ имъ могилы,
И торбы на ихъ грошь пошили.
Тыи незнаютъ що кишеня
И тому зъ неба ждутъ спасенья.

Несвѣдомы що то скиба
Правлятъ якъ достатибъ хлѣба;
И ведутъ мудрыи розправы
Попоѣвши доброй стравы.

Тыи вино пьютъ мѣстъ водицѣ,
И бачатъ лихо въ пѣятицѣ:
„Зъ отколь взялибысь нероби,
Сли горѣлки не булобы?!"

Загорѣлы патріоты
Додаютъ перомъ охоты.
Лишь для славы й вѣчной чести,
Все зрубати, стерти, знести!

Тымъ на дрожджахъ росте слава,
Тыи малюютъ все на задъ —
А же съ силовъ тяжка справа
Кадятъ, хвалятъ, хоть не рады.

Гей! та лихо зритъ намъ въ очи!
Кождый плаче кто не хоче;
А щожь буде мой Стефанє
Якъ вже свѣту слезъ не стане?

Най веде ся божа хвала!
Хоть ворожа судьба спала,
Мы не смотримъ въ свѣтъ скрозь слези
Духъ и сердце намъ тверезе.

Кто надъ сребро надъ банкноты,
Знае прелесть лучшой цноты —
Той хоть лихо все ся зсуне
Бѣдѣ просто въ очи плюне.

Що не правда мой Стефане?
Най намъ нужда въ тварь загляне!
Намъ заровно кожда сила,
Бысь о нашу грудь розбила.

Грудь твердѣйша отъ опоки —
Зло буде кто знае доколь:
Хоть до разу злѣзе скора.
Зросте друга, въ Бозѣ вѣра!

Щожь надъ чимъ намъ тутъ рыдати?
То не намсь валятъ палаты!
Мы судьбох ободраны
Ставимъ хижи деревляны.

Намъ потѣха въ трудѣ, въ зною —
Не схорѣемъ подъ бѣдою;
А якъ прийде время смерти,
Слава Богу! тожь умерти!

Е. Згарскій.

ГДЕ НЕЩО СЪ ЗАПИСОКЪ ВТОРОГО ПУТЕШЕСТВІѦ ЗЪ РИМА ВЪ ЕРУСАЛИМЪ.

И ось вже приближаемъ сѧ къ Ерусалиму. Все чувство, вся мысль и взрокъ, выбѣгають на передъ оузрѣти що хутше святый городъ, бувшій позорищемъ превеликого драмата: спасеніѧ рода человѣчого. И ген показуе сѧ скрозь мраки святое мѣсто, отѣненое мракою, та мовъ на похилости одной лишь горы розложеное. Втожь здужае розказати сеи чувства, сеи мыслы, ѧки все время набѣгають толпою, и обладаютъ всемъ естествомъ поклонника христіаньства? Передъ очами души его, встають старинны минувши вѣки патріарховъ и пророковъ. Тутъ отъ временъ святого Авраама, совершали сѧ найважнѣйшіи произшествіѧ міра. Се земля благопріятна Богу, достойна избранного народа, которому вручене было сохраненіе свѣдомости истинного Бога, се мѣстце, где была едина въ предхристіаньскихъ вѣкахъ церковъ Божаѧ. Тутъ кажутъ сѧ видны слѣды святыхъ: Исаака, Іакова, Самуила, Давида, Соломона, Еремїи, и всѣхъ другихъ патріарховъ и пророковъ старого завѣта. Но паче всего, сѧ земля орошена пресвятыми слезами и кровію спасителя Іисуса Христа, она носила стопы его святыи, на семъ мѣстци роздавалъ сѧ голосъ его; тіи горы, тіи камена бачили чудеса его, и страшны страданіѧ и смерть его, та сердечнѣйшіи отъ сердецъ человѣчихъ на сей видъ, встрясли сѧ, и порозпукали сѧ отъ оужаса. Тутъ на послѣдокъ было першое основанье, и начало церкви Божой, и зъ отси розбѣгло сѧ на всю землю вѣщаніе ихъ, и по всей вселенной голосъ ихъ. Котрыйжь зъ христіанъ погляднувши нынѣ на се мѣстце, не припаде лицемъ на землю, тай не прослезитъ сѧ, подумавши собѣ, що и его преступленіѧ были причиною болезныхъ страданій спасителя?

Видъ Ерусалима, наводитъ на сердце ѧкіись сумны, таинственны, полны поэзіи мыслы, мовъ оманъ старинныхъ пророческихъ его пѣсней, отзывае сѧ въ тобѣ. Менѣ казалъ сѧ онъ будцемъ щось знакомого гдесь въ ѧкихсь думкахъ, або въ снахъ молодецкихъ лѣтъ. Та хотай онъ жалобный и пустинный, но мае въ собѣ щось дивно звязаного съ цѣлымъ нашемъ естествомъ. Будятъ сѧ тутки мимо воли, найсолодшіи споминки богобойного дѣтиньства, поважны розсмотры доспѣлыхъ лѣтъ, и будуща, загробна судьба человѣка. Все такожь, що лише найболеснѣйшого е въ чувствѣ, то тутъ находитъ вещественный свой образъ, но святый сумъ, егоже напоминаютъ всѣ предметы, на котры спогляне око, котрого за каждымъ встрѣчае сѧ крокомъ, приголомляе и заглушае всю жалость, всю болѣзнь собственну человѣка.

Закимъ подамъ нашимъ читателямъ описъ нынѣшного Ерусалима, и святыхъ мѣстцей въ немъ заключеныхъ, не буде имъ, ѧкъ думаю противне, припомянути въ короткости исторію сего святого мѣста. По тутешномъ преданію, праотецъ Адамъ обиталъ на сей горѣ по своемъ выгнаню зъ рая, та тутъ подъ святою лобною горою, похоронили тѣло его. Роз-

казȣютъ также, що на сею горȣ велъ Авраамъ сына своего Исаака на пожертвованье его, коли дознана ради его вѣрности, Богъ повелѣлъ емȣ, сю жертвȣ принести собѣ, тай дознавши, ангеломъ задержалъ рȣкȣ поднесенȣю вже на заколенїе сына. Первосвященникъ Мелхиседекъ, першїй основалъ на семъ мѣстци городъ, лѣта сотворенїѧ свѣта 2023, и нарекъ го Салемъ, си-рѣчъ миръ. Мѣсто протѧгалось тогда лишь на двохъ горбкахъ Морны и Акры. 50 Лѣтъ послѣ основанѧ Їевȣзеи, потомки Їевȣза, овладѣли нымъ, тай прибавили крѣпость, юже создали на горѣ Сїонъ, и нарекли Їевȣзъ, отъ которой весь городъ началъ сѧ именовати Їерȣсалимъ; т. е. выдѣнїе мира.

Їерȣсалимъ осталъ сѧ подъ владѣнїемъ Їевȣзеевъ, до пришествїѧ жидовъ зъ Египтȣ; но ще и тогда Їисȣсъ преемникъ Моисеѧ оуспѣлъ лишь овладѣти дольною частїю мѣста, оудержавшимъ сѧ Їевȣзеамъ въ горной части и въ крѣпости, зъ отки ихъ выгонилъ царь Давидъ 2897 Л. С. С. — Сей царь побольшилъ крѣпость, и надалъ ей свое имѧ, та на сей же горѣ создалъ дворецъ длѧ себе, и хранилище длѧ ковчега завѣта. Сынъ его Соломонъ розпространилъ мѣсто, и создалъ на горѣ Морни преславнȣю по вѣкъ вѣки церковь божȣю. Въ пѧть лѣтъ по смерти Соломона, Сезакъ царь египетскїй, оударилъ на Ровоама царѧ Юдейского, взялъ Ерȣсалимъ, и злȣпилъ. Въ 150 лѣтъ познѣйше, Їоасъ царь исраельскїй, занѧлъ и опȣстошилъ сей городъ. Во владѣнье царѧ Юды Манассеѧ, Ассирїѧне набѣгли на землю юдейскȣю, и завезли нещасного того царѧ полоненого въ Вавилонъ. На конецъ Навȣходонасаръ царь Вавилоньскїй, прийшовши съ многочисленнымъ войскомъ, оударилъ на Ерȣсалимъ, тай занѧвши мѣсто 1513 лѣта п. с. с. со всемъ розрȣшилъ, спалилъ церковь, а царѧ Седекїѧ и весь народъ загналъ плѣнныхъ въ Вавилонъ. (П. с.)

Где нещо о Словѧнахъ Велїѧнскихъ.

Приплылисьми до Велїи, одного изъ большихъ островковъ при Далматинскомъ побережїю. Давнѣйше рѧдили нымъ славныи Франгипани*; незнати, ꙗкъ въ рȣки Венецїѧнамъ досталъ сѧ. Стары розповѣдаютъ, же галера Венецка, ꙗкъ бы нарочно встȣпила до пристани Велїѧнской, та запросивши Франгиниального на гостинȣ, здрадно оувезла его. — Въ семъ стоваришенȣ сȣть также красныи городки; въ найстаршомъ изъ нихъ мешкае владыка та шлѧхта. Всюда по городкахъ, и по селахъ дознавалъ ꙗ сердечной гостинности. Жители, бȣде ихъ до 15000, оубераютъ сѧ гетъ всѣ въ чорнȣ одежь; неможь дослѣдити, чомȣ то такȣ загальнȣ жалобȣ приналн? денекотры кажȣтъ, що зъжалю за Франгипанними. Человѣки маютъ ꙗкъ Козаки широкїи шаравары, жȣпанецъ безъ выльотовъ, поѧсъ такожъ чорный та їоломъ (шапочкȣ) тоиже барвы на головѣ; мѣсто чоботъ носѧтъ черевики безъ спрѧжокъ. Жены къ чорной одежи придали ще бѣлȣю хȣсткȣ, ꙗкъ оу

*Сеѧ родина мала велики маетности на Далматинкомъ побережїю. Послѣдный сего родȣ сприѧгъ сѧ изъ Зриньомъ, та инными въ 1665—1671 длѧ привернєнїѧ земли Ꙋгорской давныхъ свободъ, и оуже бȣли изъ Зриньномъ красный полкъ изъ Валѧховъ, Морлѧховъ та Ꙋскоковъ собрали, але въ рѣшительной хвили опȣщены отъ большой части, заперли сѧ въ Чакатȣрнѣ, а на послѣдъ здали сѧ на ласкȣ королѧ. Но Льовковича забѣги здѣлали, же ꙗко головны ворохобники зложили головȣ подъ топоръ палача.

насъ завиткꙋ, такъ до окола обивають, же на челѣ на окрестъ сѧ сходитъ: панчохи все чорны и мальованка така, але кꙋца та мережена, ꙗкъ оу Шльонзанокъ. Въ жалобѣ носатъ мѣсто бѣлои, помаранчевꙋ хꙋсткꙋ, тогда не можь имъ такожь ни заꙋшницъ, ни инной окрасы брати. Дѣвчата переплетають колосѧ черконою гарасовкою, ꙗкъ оу всѣхъ Словенъ.

Нема лꙋчшихъ, та до природы больше зъ ближенихъ людей, надъ Велїановъ, хоть бы на островѣ Отагайти. Солодкїй свой нравъ долгомꙋ мирови завдѧчꙋютъ. Весь островъ одинокїй можь сказати примѣръ въ всей Европѣ перестоѧнѧ колькихъ столѣтей безъ всѧкой напасти, та не оуроснившисѧ ни каплевъ крови. Бранка, мовили Велїане, бꙋла бы длѧ нихъ найбольшимъ нещастьемъ, та привелабы ихъ къ отчаѧнїю. Незабꙋдꙋ николи ꙗкъ одинъ изъ правдиво старосвѣтскою простотою мене запыталъ сѧ, чи предъ началомъ борбы обѣ стороны взаимно зневажають сѧ? Щасливь ꙗ, найшолъ емъ въ свѣтѣ заꙋлокъ, где братъ въ крови братной не оумочилъ рꙋки.

Однакожь не можь оутаити, що хотѧ по Словенскꙋ бесѣдꙋютъ, ихъ отраза отъ воинства, та отъ ꙗсныхъ барвъ, недаеть ихъ изъ бодрымъ Словенъ поколѣньемъ побратати. Чей напослѣдъ вѣковый миръ загирилъ въ нихъ зародъ богатырства; а чей то внꙋки сего Сарматовъ поколѣнѧ, за которыхъ Страбо каже, же все черно ходили. Але се истинна правда, що всѣ Словане, ба такожь и сосѣдныи семꙋ острову, за великꙋ собѣ честь покладаютъ носити при собѣ орꙋжїе; але незнаю, чи на всемъ островѣ можь бы больше найти, ꙗкъ десѧть рꙋшницъ, и тїи хиба на отпꙋдъ птицъ отъ виноградовъ.

Весь островъ изъ природы неꙋрожайный, рꙋками Велїановъ такъ оужизненъ, же ꙗкъ въ раю всего тамъ статкомъ. Красны дꙋбы, бꙋки та ꙗсени, верхи емꙋ пристроили, пахначїи фиги, мигдалы та оливы садами го застелили, винограды ꙗкъ звѣздами ꙗгодами зарꙋмянѣли, а полный колосъ не зъ рѣдка зажолтѣлъ; и пчолка забренитъ, и шолковицѧ на листочокъ часто перелетитъ, а въ серединѣ того очарованого раю маленьки кирнички злались въ надобный ставецъ, въ которомъ крaсна громадка нечꙋвано великихъ оугоровъ проживае.

Незабꙋдꙋ поколь житѧ, радостного оугощенїѧ отъ нихъ. Они не лише хосенными статисѧ не хотѣли, але гадали, ꙗкбы мене забавити. Задержанъ вѣтрами небꙋдовалъ ꙗ, хотѧй въ такомъ незнакомомъ стоварищенїю; оупечено длѧ мене хотѧй въ день праздничный хлѣба, зарѣзано ходобинꙋ; словомъ видѣлосѧ менѣ, же вже ничь до совершенного оугощенѧ не хибꙋе; але охибилъ емъ. Що еще забагъ емъ, чꙋти народнїи дꙋмы та спѣванки, а вже много женъ та человѣковъ оубѣгало сѧ догодити моей цѣкавости. Обыкновенио спѣваютъ въ колахъ, що доказꙋе дꙋже давнꙋ старинꙋ. Небꙋло ничь красшого, ꙗкъ изъ пристани придивлѧтисѧ симъ островцамъ; по колькоро изъ кождого пола въ одномъ колѣ на невеличкихъ бердахъ сѣдѧчихъ и спѣваючихъ солодкими голосами. Ихъ спѣвъ звꙋчный, сꙋмный, иде поволеньки и носитъ на собѣ печать дꙋже давной стародавности. Вечеромъ передъ моимъ отпливомъ видѣлъ емъ, що не борзо забꙋдꙋ. Ночь бꙋла темна тай спокойна, прохажалисьмы сѧ по корабельномъ помостю, отъ разꙋ видимъ колька чаекъ огнѧми мовь звѣздочки на дольномъ морю свѣ-

тлѧчихъ, та изъ спѣвами къ намъ посꙋвающихъ сѧ. Шелепотъ кермовъ изъ спѣвами розходилъ сѧ, а пѣсна по пѣсни слѣдовала. Зновъ напрасно десь сѧ взѧли на вершкахъ толпы изъ огнѧми и спѣвами, а спꙋстившись низше, роздѣлилисѧ на кола, та почали ꙗкъ птички спѣвами сѧ розмавлѧти. Неможь описати любости того образꙋ; спокой темной ночи, блескъ на морю овѣнченыхъ чаекъ, верхъ надъ пристаневъ огнемъ палаючїй, все тое отдыхало ꙗкоюсь поважною красотою. Тота забава протѧглаcѧ позно въ ночь, а законьчиласѧ гарнымъ танкомъ подобнымъ до козака. Ихъ видъ оуже при спѣваню незвычайный; сѣдаютъ бо въ коло и головꙋ нахиленꙋ правою подпираютъ рꙋкою. Напослѣдъ оувидѣвши, же маючи до днѧ отплынꙋти, и потребꙋемъ спочинкꙋ, скончили забавы, и пожелавши намъ доброго здоровлѧ, попращали насъ мовь родныхъ братчиковъ.

КАРТѦРЬ

образецъ зъ житѧ городского.

II.

Гей Львове мой Львове! клекотъ и гаморъ роздалъ сѧ мовь жбꙋртъ спадаючихъ зъ верховинъ потоковъ, народъ волнꙋесь мовь бꙋйныи травы, лишъ не вѣтромъ колисанъ, но грошьми, грошьми! А ꙗкїй весѣлѧкїй той народъ! — Истинный образъ житѧ! Пꙋстившись въ той рꙋчай безпрерeвно волнꙋючїй сѧ оулицѧми, дꙋмалъ емъ, же ꙗ гдесь тамъ въ ꙗкомсь заграничномъ мѣстѣ, кобымъ не збачилъ бꙋлъ простодꙋшного селѧнина, покликаючого заедно: панове! вѧзанки добры! кꙋпѣтъ си дерева, кꙋпите! Пойдемъ въ ринокъ!. Заледвы оминꙋти сѧ можь по тритꙋарахъ, божь ранокъ, а не оденъ гонитъ на щастъ Боже загнати щось потѣшного до мошонки. Тїи оускорѧютъ свои кроки, щобы перебѣчи дрꙋгихъ, набꙋти скорше желаемого; бо цѣль ихъ однака, а дорога не со всемъ широка, а похоть не насытима. Дрꙋги прохажаютъ сѧ розгадꙋючи, где бы грошь подѣти? ꙗкꙋ новꙋю сласть прибагнꙋти? чи старыхъ натѣшитись нассатись доволѣ, и отдати сповна честь моровомꙋ дꙋхꙋ часовъ теперѣшныхъ?.. Ось цꙋкернѧ, одна дрꙋга и трета, кавѧрнѧ, склепы, а по склепахъ вино, ꙗкого лишь дꙋша передъ самовъ смертевъ забагнꙋта може!.. Одꙋрѣлъ бысь простый человѣче, та не зналъ бысь кꙋда собовъ навернꙋти маешь: тꙋтъ изкꙋство въ слꙋжбѣ и длѧ рота, на высокїй степень тѣсто поддꙋло, а благородный дꙋхъ сидитъ закоркованый въ флѧшкахъ шампановыхъ... Неробы, которымъ день Божїй на посвистахъ минаесь, ходѧтъ безъ цѣли безъ намѣренѧ, призыраютъ сѧ и позыраютъ безъ мыслей, отъ абы дивитись: обштꙋркꙋютъ локтьомъ людїй кваплючихъ сѧ до насꙋщной працѣ. Лахманы, цꙋндрѧ и богаты новомодны свиты отираютъ сѧ въ замѣшъ одны о дрꙋгихъ, а тїи, же не маютъ зломаного шелюга при дꙋши, но зверха на пановъ подабаютъ, ходѧтъ ꙗкъ бы одꙋшевлены, нарꙋгаючись зъ сꙋѧты сего свѣта. Рꙋсине! не стало бы тобѣ слова, сли бысь хотѣлъ росписати сѧ ширше, бо то Львовъ не Марїѧмполь, не старый Галичъ!...

Въ мѣстѣ часъ скоро минаесь, що не опамѧтаешь сѧ, где и коли подѣлъ сѧ. На величественномъ ратꙋши, владѣе часосказъ, мовъ фабрикантъ машиною, занѧтыми толпами людей. Нетерпливо сидѣли Корнилїй оу стола, навершеного кꙋпамъ

паперовъ въ своей канцеларіи, и ждалъ двенадцатои годины, мовъ плѣнникъ ангела освободителя. Щось нѣбы писалъ, переберáлъ въ паперахъ, но его писанина по сей часъ ни вкладъ, ни выкладъ; а мысли мара знае кȣда несли ся. Може якъ пчолы навыкли скȣплятись на медовыхъ цвѣтахъ!.. Корнилій далъ бы бȣлъ незнати що, кобъ лише панъ Адвокатъ созволилъ выйти на той день першого мая. Алежь панъ Адвокатъ, то человѣкъ немилосердный, хотяй крȣтилъ якъ могъ параграфами, то що до роботы писаровъ своихъ, любилъ и настоялъ на правильность. Врȣчаючи платьбȣ Корнильомȣ, доложилъ повелѣваючимъ голосомъ, щобы точнѣйшимъ бȣлъ въ обовязкȣ своемъ, божь и онъ съ платвою опознати ся бȣде. Тожь и непорядна справа! радъ бы бȣлъ гадкою скорити часоказъ ратȣшовый, но часоказъ крѣпкійше держалъ ся правилъ отъ его гадки: тожь пожелалъ емȣ, щобы розбилъ ся, та не дождалъ ȣдарити четвертки, ажь и по долгомъ — долгомъ ожиданю, ȣдарила — двенадцята година. Корнилій, и на хвилькȣ не ȣсидѣлъ долше въ канцеларіи, но пометавши перо, отсвнȣвши спекȣючись паперы, поскочилъ ко дверамъ. По три сходы верȣчи на оденъ скокъ, ȣчинилъ ся небавкомъ на ȣлици.

Каменица, въ котрой домовалъ панъ Адвокатъ, бȣла по правой рȣцѣ въ ринкȣ. Корнилій споглянȣлъ въ задъ и въ передъ себе, якъ бы хотѣлъ когось придыбати, а не прибачивши, съ недовольствомъ тȣпнȣлъ ногою, подойшолъ дальше и сталъ призирати ся образамъ одной книгарнѣ. Образы бȣли всѣлякі. Окрестности, развалины старыхъ замковъ, живописны поля зъ жита, портреты славȣтныхъ мȣжей, героевъ; все тое изкȣсткомъ одȣшевленыхъ хȣдожниковъ, якъ найстараннѣйше ȣроблене на паперѣ, и выставлене на сȣдъ и критикȣ ȣченного міра. Оденъ зъ помеже образцѣвъ представлялъ загорѣлого картяра, которомȣ всѣ гроши, яки лишь малъ при дȣши, загорталы три дрȣгіи съ холодновъ кровлевъ до своей кишенѣ. Корнелій со всемъ всмотрѣлъ ся съ якимось внȣтреннымъ непокоемъ въ той образъ, видко болѣлъ надъ нещаснымъ грачомъ, ажь и ктось поклепалъ его необачъ по плечахъ.

— То ты Антоній? озвалъ ся обозрѣвшись на разȣ мовъ сполошеный.

— Якъ бачȣ, глȣбоко всмотрѣлъ есь ся; чи подивляешъ ȣкарвленȣ мысль хȣдожника въ томъ живописѣ? спросилъ Стȣльскій.

— Я? — нѣтъ! отъ задивилъ емъ ся, отповѣлъ зачервонѣвшись первый, и взявшись за подвоки пойшли дальше,

— Корнелій! ты есь не веселій нынѣ; я казалъ и кажȣ: понехай свѣтъ коли тобѣ не до свѣта! — ты розгȣлялъ ся, а вчерашный листъ не со всемъ припалъ до твоего сердца.

Корнелій зачервонѣлъ ся ще дȣжше, и на хвилю омовкли оба товариши. Корнелій затиснȣлъ зȣбы, и омаль не посѣпалъ пальєто на собѣ.

— Та! правдȣ кажешь Антоній; вчерашный листъ не потѣшный; отецъ менѣ пише, же —

— Же не бȣде вже больше присылалъ грошей, — ха! ха! ха! — а не казалъ я: Корнелій, ты батькова дитина, до молитвослова, не до гȣлятики; ты ще не скинȣлъ черевички, та не забȣлъ на верезовіи прȣтики.

— Годѣ Антоній! я не тѣсногрȣдый трȣсъ, щобымъ отхрещалъ ся свѣтовой

поживки мовъ зловѣстного снȣ, Ты знаешь ꙗкъ много жалѣлъ емъ доселѣ самъ надъ собою! — Мара най тымъ сѧ гонитъ, що вже пойшло за марою! ꙗ? ꙗ такъ — ꙗкъ и не малъ бымъ . . . все со временемъ; божь ꙗ пережию сего свѣта?

— А отъ! бачь но! ꙗкъ високо оунесъ есь себе. Дȣмалъ бымъ, же набралъ есь въ склепѣ, либо въ цȣкерни кантового дȣха? перетворилъ есь себе хлопче! то не тотъ вже зъ тебе, що омаль не плакалъ, ꙗкъ читалъ повѣсти Євженовіи . . .

— Божь и не часъ вже? гей та то вѣкъ, що и хибабы! не пожалȣю съ часомъ вѣкȣ молодого. — Про щожь свѣтъ? про що гроши? може абы плеснѣли ꙗкъ грибы, або щобы ихъ хованцы паитровали. Щасть намъ Боже Антоній! толькой то нашего, що оугȣлѧемъ; не правдажь?

— Га! Га! стара то вже правда; но же ты ажь нынѣ зійшолъ на сесю правдȣ — се дивъ, истинный дивъ, правилъ Стȣльскій надаючи поважнои ознаки чертамъ лицѧ своего.

— Ꙗкъ то? — ажь нынѣ? ꙗ тебе не розȣмѣю Антоній, отповѣлъ зъ тиха, ꙗкъ бы не довольный Корнелій.

— Пȣсте, и годѣ! що тамъ бȣдемъ плели оденъ о дрȣгомъ; знаемъ себе знаемъ, ꙗкъ два лисы на подлѣсю; а слибы намъ прыйшло закрасти сѧ где меже кȣры, — тогди показалобы сѧ котрый зъ насъ опракнѣйшій, мовилъ вторый, и лестнымъ окомъ змѣрилъ первого.

И такъ проговорȣючи меже собою, зайшли ажь на горѣшніи шкарпы, где по два по три модопоклонниковъ прохажали сѧ ведлѧ смачнѣйшого вкȣса до настоѧщого полȣденкȣ. Корнелій беседилъ отверто ꙗкъ бы на вѣтеръ, а Стȣльскій хапалъ и жвикалъ кожде его слово. Минȣло мажей полъ годины, гадки Корнелього бȣѧли безъ всѣлѧкого ладȣ, и переходили живо въ жаркое слово; ажь и напрѧсно зъ нагадалъ сѧ на властивый предметъ, ведлѧ котрого побесѣдити малъ съ Стȣльскимъ. (П. с.)

ВСЯЧИНА.

По сей часъ пичатають ся: молитвословъ и друга часть Сборника въ накладъ Галицко-руской матицы, и Рука Дамаскина въ накладъ Института Ставропигіаньского.

Отъ нового року выходитъ тижднево въ Варшавѣ нова часопись подъ назвою: Czytelnia Niedzielna.

Славны писателѣ польскихъ повѣстей: Крашевскій, Корженьовскій, Качковскій, а мабудь и Жевускій, думають совокупно написати одну повѣсть, якъ то Французи множество комедій, драматовъ, въ сполцѣ навикли писати.

Въ Познаню выходитъ тижднѣвникъ: **Przyroda i Przemysł**, посвященъ изясненію всѣхъ галузовъ наукъ природныхъ, практичному ихъ прысохтованю до употребленій житя, такожъ новѣйшимъ прыобрѣтенямъ. Письмо тое выходитъ що тиждня по одному лучкови (аркушу) пичатного паперу предплата выноситъ 3. злр. чвертьрочно. Предплатити можь повсѣхъ краевыхъ почтахъ и книгарняхъ.

Въ Краковѣ вийшли два сочиненія: **Technologia leśna Alber. Thierjota**, **i Wykład obrzędów i zwyczajow religijnych kościoła p. X. Lewartowskiego.** До часописи „Часъ" придана прилога, выходитъ съ коньцемъ кождого мѣсяця. Прилога тая посвящена со всемъ науцѣ и беллетристицѣ.

Сероты по умершомъ польскомъ поетѣ Адамѣ Мѣцькевичу, будутъ подъ патронатомъ князя Напольеона. Остало ся по немъ 9 частей рукописей: друга часть „Тадеуша" дѣянія польщи до Владислава Локетки, и нисколько драматовъ по французки.

Славный ученый словяньскій Дтр. Францъ Микльощицъ. кустосъ ц. к. надворного книгохранилища, обранъ на декана фѣльософѣчного факультету на всеучилищу во Вѣдни.

Свѣдомый намъ ческій историкъ Паляцкій, продолжае свою историю Чеховъ.

Французи написали минувшого року 213 новыхъ (?) драматовъ.

Въ Дублянахъ бережаньскомъ округѣ, завидено и отворено школу рольничу, въ намѣреню образованя здобныхъ людій, ко поднесеню газдовства и заведеню фабрикъ. Пичалива старанность високого правительства нашого, призначила десять стипендій по 100 золот. р. для учинниковъ, а 1500 зл. р. платьбы для одного учителя. Обширнѣйша вѣдомость подасть ся въ одномъ изъ слѣдуючихъ чиселъ. Додаемъ, же кромъ стипендій, школа тота приступна лишь для замижнѣйшихъ.

Тиждневникъ господарскій дае пораду, якъ бы волы, спашены зимою на стайни, безъ всей обавы лихихъ придарокъ выганяти? Волы, якъ свѣдомо доставшись на свободу, перележавши довгій часъ въ стайни, починаютъ выбрикувати. Не разъ приключае ся, що либо розчахнутъ ся, либо ноги уломлятъ, либо онакшимъ свѣтомъ поразятъ ся. Отже! щобы запобѣчи тому, трѣбно бы 24 годинъ передъ выгономъ недати имъ покласти ся спати; воламъ, не належавшимъ ся зъ верхъ волѣ, не припаде выбрикувати такъ легко.

Если омучена ходобина покладе ся на дорозѣ, и нѣтъ рады поставити ею на ноги, трѣбно лишъ добре покрутити за хвостъ, а сей часъ буде стояла; и злегка повести дасть ся.

Хотѣвши угоити опаринье окропомъ, трѣбно натерати споро рукою опарине мѣстце, потомъ посипувати збожевою мукою що двѣ години, а и слѣдъ тому не полишитъ ся.

ДИВНІИ СВАТЬБИНЫ! (?)

Гдесь тамъ була панянка, та лиха. —
Оденъ изъ хлопцѣвъ молодихъ,
Здоровый мовъ дубчакъ, гарный женыхъ,
Спросилъ:" чому она така суха?
„Богъ вѣсть! очень доволѣ й добре ѣсть!
Журно озвалась родна матенька.
„Ба! коли бо ю зъ ѣдае злость; —
На тое брать. „Ага! тому така?
„Сли такъ, то поручаю ся Еймости:
„Нехай доволѣ ѣсть для себе и для злости.

Оденъ злодѣй хотѣлъ домацати ся грошей у одного адвоката; алежь призорны полѣціане споймали го на самомъ же чинѣ. „Паньцю! спросилъ злодѣй обернувшись до адвоката, подоймѣтъ мою справу, та освободѣтъ мене! — Адвокатъ осмѣхнувшись, далъ слово, же подойме справу его на себе, и освободитъ.

Славный ученый Невтонъ за молодихъ лѣтъ булъ дуже лѣнивый въ школахъ. Приключило са разъ, же оденъ зъ поможе сошкольноковъ ударилъ его по леци; Невтонъ отъ сего часу старалъ ся прыймуществомъ въ науцѣ помстити ся.

Освѣдомляемъ ч. госп. читателей, же до опису надосланого намъ зъ самого Ерусалима приданъ буде въ одномъ зъ чеселъ и плянъ тогожъ мѣста, для лучшого срозумлѣня опису; начеркненъ самымъ описателемъ. —

Просимо о ласкаву надсилку дописей, относящихъ ся сельскихъ обстоятельствъ, газдовства, и проч.; новіи спостереженя, прибаги и приобрѣтеня, съ охотою будемъ намѣщали.

Донесла ся намъ чутка, же Семейная Библіотека почне зновъ выходити; тѣшитъ насъ тое зъ однои стороны, а зъ другои и засмучае. Господинъ Шеховичъ знечестилъ насъ въ одномъ числѣ письма своего минувшого року; теперъ якъ зачуваемъ, вознамѣряе вторично оганьбити. Що за принука къ тому моглабы бути? незнаемъ. Правда! Зоря Галицка допустила ся легкодушныхъ погрѣшеній минувшого року; алежь выступати опять съ безрозсудными ругангями, е то такъ, якъ наставати на коньчину ей. Мы прощаемъ госп. Шеховичу, а въ литератски сварки запускати са не думаемъ, бо госп. Шеховичу не до литератскихъ сварокъ!!!

Львовскій курсъ.

Голендерскій дукатъ . . .	5 злр	—	14 кр.
Цѣсарскій „ . . .	5 „	—	10 „
Полъимперіалъ росс. . . .	8 „	—	57 „
Срѣбный рубель росс. .	1 „	—	44 „
Пруській таляръ	1 „	—	39 „
Заставны листи галицкіи по 100 злр.	88 „	—	10 „
Индемнѣзаційніи облѣгаціи .	68 „	—	10 „
5 проц. пожичка народна .	76 „	—	15 „

Тvпомъ Института Ставропігіяньского. Редакторъ Николай Савчиньскій.